

ВЯТСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 10.

1868 г.

Мая 16-го.

ОТДѢЛЪ ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ВОСКРЕШЕНИЕ НАИНСКАГО ЮНОШИ.

При внимательномъ чтеніи Евангельскаго повѣствованія о воскрешеніи Наинскаго юноши, можно замѣтить въ немъ близкое отношеніе къ нѣкоторымъ явленіямъ, повторяющимся и въ наше время.

Якоже приближися (Иисусъ) ко вратамъ града (Наина) и се изношаху умерша, сына единородна матери своей, и та бѣ вдова: и народъ отъ града мнозъ съ нею. И видѣвъ ю Господь, милосердова о ней и рече: не плачи (Лук. 7, 12—13). Вѣроятно, этотъ народъ мнозъ собрался къ одру умершаго юноши преимущественно близъ городскихъ воротъ, гдѣ заняты были своими дѣлами, а слѣдовательно большая часть этого народа привлечена была къ умершему однимъ любопытствомъ; равно какъ и тѣ, которые изъ дому сопровождали умершаго, дѣлали это по одному обычаю, безъ особенныхъ знаковъ скорби. Такимъ образомъ и простому человѣку, безъ божественнаго всевѣдѣнія, можно было въ этомъ множествѣ людей, похожихъ болѣе на зрителей, нежели на участ-

никовъ скорби, замѣтитъ несчастную мать. Она особенно скорбѣла и проливала слезы. Сострадательное сердце скорѣе всего трогается зрѣлищемъ такого горя, которое изливается въ виду многихъ, но въ тоже время остается одинокимъ, ни въ комъ не вызываетъ къ себѣ истиннаго сочувствія, а даже, быть можетъ, подаютъ другимъ поводъ для разныхъ глумленій. Могъ ли пройти равнодушно мимо такого зрѣлища Тотъ, Кто пришелъ даровать *отраду сокрушеннымъ сердцемъ*, Кто воспринялъ на себя всѣ скорби и болѣзни падшаго человѣчества, Кто съ гнѣвомъ и скорбію взиралъ на безчувственность и окаменѣніе сердець? По смыслу Евангельской рѣчи слѣдуетъ, что Христосъ Спаситель въ настоящемъ случаѣ подвигся милосердіемъ прежде всего именно потому, что между многими народомъ увидѣлъ только одну *плачущую*, т. е. мать юноши: *видѣвъ ю, милосердова о ней и рече: не плачи*. Нѣчто подобное случается въ наше время съ безутѣшною скорбію отцовъ и матерей, оплакивающихъ развращеніе или нравственную смерть своихъ дѣтей. Такое несчастіе болѣе горестно, нежели обыкновенная смерть. Если гдѣ, то именно здѣсь нужны утѣшители, вполне искренніе и благожелательные. Но что обыкновенно бываетъ? Является одинъ, другой, собирается наконецъ *многъ народъ*; и всѣ они болѣе любопытствуютъ, нежели утѣшаютъ, болѣе усиливаютъ горе, нежели ослабляютъ. Нужно сознаться, что этотъ *народъ многъ*, по большей части, бываетъ главною причиною подобныхъ несчастій; заботамъ родителей онъ нерѣдко противопоставляетъ почти непреодолимые препятствія. Мы разумѣемъ здѣсь тотъ разладъ, какой замѣчается между благими внушеніями родителей и воспитателей юношества и тѣми двусмысленными совѣтами, какіе неизвѣстно кѣмъ и для чего распространяются въ обществѣ. Подобные совѣтователи не что иное дѣлаютъ для потерянныхъ юношей, какъ подлагаютъ одръ для

умершихъ и помогаютъ скорѣе вынести ихъ за городскія ворота. Но что если какой либо неожиданный благодѣтель, вопреки всѣмъ расчетамъ, какъ это случилось въ настоящей исторіи Евангельской, тронется столь грустною картиною и найдетъ возможность пробудить этихъ мертвецовъ, оплакиваемыхъ одними родителями? Какими глазами посмотрятъ тогда другъ на друга—несшіе одръ и возставшіе съ одра?!

Независимо отъ стороннихъ обстоятельствъ, скорбь матери Наинскаго юноши, матери—вдовы, оплакивающей потерю единственнаго сына и съ нимъ терявшей послѣднюю защиту своей старости, была событіемъ слишкомъ горестнымъ, которое само по себѣ не могло не вызвать глубокаго состраданія въ душѣ Божественнаго друга человѣчества: *милосердова о ней и рече ей: не плачи*. Для большаго увѣренія въ томъ, что юноша Наинскій воскрешенъ по состраданію къ горю и безпомощному состоянію его матери, Спаситель тотчасъ *даде его матери* (—15). Трудно вообразить всю трогательность такого свиданія! Но не трудно понять, что оно возвысило и укрѣпило самую живую любовь между матерью и сыномъ. «Если по твоимъ слезамъ Господь даровалъ мнѣ жизнь, то кому же она теперь принадлежитъ, какъ не тебѣ? Если ты выплакала меня у Бога, то всѣ мои силы, всѣ мои труды будутъ посвящены для утѣшенія тебя». Такъ могъ говорить своей матери воскрешенный юноша Наинскій, предъ лицомъ Господа. Точно также могли бы говорить своимъ родителямъ всѣ послушныя и любящія дѣти, еслибъ они умомъ и сердцемъ усвоили ту непреложную истину, что жизнь дѣтей даруется и сохраняется по молитвамъ родителей. *Чти отца твоего и мать твою*, сказано въ законѣ Божіемъ, *да благо ти будетъ и долготеленъ будешь на земли* (Втор. 5, 16). *Дѣломъ и словомъ чти отца твоего и мать*, *да найдетъ ти благословеніе отъ нихъ* (Сир. 3, 8). Внима-

тельные къ путямъ Провидѣнія могутъ видѣть въ исторіи и въ современной жизни многіе примѣры, какъ эта истина поддерживается въ дѣтяхъ совершенную покорность и преданность своимъ родителямъ. Но бываютъ случаи, когда дѣти навлекаютъ на себя гнѣвъ Божій, отказываясь повиноваться волѣ своихъ родителей, забывая всѣ ихъ болѣзни и попеченія и причиняя имъ новыя скорби, болѣе тяжкія и болѣзненныя. Сколько можно насчитать дѣтей, которыя по своей лѣности и легкомыслію не хотятъ развивать дарованныхъ имъ силъ и чрезъ то убиваютъ ихъ! Еще болѣе найдется такихъ, которыя по крайней разсѣянности и развращенію теряютъ лучшія украшенія своего возраста: искренность, довѣріе, почтительность и цѣломудріе. Можно ли родителямъ ждать отъ нихъ себѣ помощи и утѣшенія? Не будутъ ли они жить только на горе отцу и матери? Положительный отвѣтъ на это данъ въ св. Писаніи: *мудрый сынъ веселитъ отца, безумный же печаль матери* (Притч. 10, 1.). Бѣдныя матери! Ваше сердце болитъ и о потерянныхъ дѣтяхъ. О, еслибъ ваша скорбь также болѣзненно отзывалась въ сердцахъ вашихъ дѣтей! Это было бы одно изъ сильнѣйшихъ средствъ предохранить ихъ отъ искушеній и соблазновъ; это была бы одна изъ дѣйствительныхъ мѣръ пробудить въ нихъ живое раскаяніе послѣ тяжкихъ увлеченій.

Судя по сильной скорби матери Наинскаго юноши, возбужденной состраданіемъ Господа, можно думать, что этотъ юноша заслужилъ высокую любовь своей матери. Своею смертію онъ причинилъ ей тяжкое горе, конечно, невольно, и, какъ безвинная причина материнскихъ слезъ, не навлекалъ на себя гнѣва Божія. Напротивъ изъ благоволенныхъ словъ Господа, обращенныхъ къ нему: *юноше, тебѣ глаголю, востани!* (—14), открывается, что Христосъ Спаситель, сострадая матери, имѣлъ въ тоже время состраданіе и къ умершему сыну ея. Сказавъ

матери его: *не плачи*, Онъ тотчасъ прикасается къ одру умершаго сына ея и съ божественною властію объявляетъ ему Свою волю: *юноше, тебѣ глаголю, востани!* «Я хочу, чтобъ ты еще жилъ на свѣтѣ, ты нуженъ для утѣшенія своей матери, ты рано умеръ, ты достоинъ еще жить на землѣ и можешь жить съ пользою для себя и для другихъ». Столь рѣшительное слово состраданія, соединенное съ божественною, всемошною силою, воззвало къ жизни умершаго юношу: *и съде мертвый и начатъ глаголати* (—5). Подобнымъ образомъ, т. е. силою глубокаго сочувствія, можно иногда пробуждать забывшихся и нравственно умершихъ дѣтей. Быть не можетъ, чтобъ въ юной душѣ, хотя и ослѣпленной страстями, не оставалось никакой, рѣшительно никакой воспріемлемости къ живымъ звукамъ истинной любви. Нужно только узнать эту воспріимчивую сторону и на нее устремить всю силу сочувствія, *касаясь* бережно, съ особеннымъ вниманіемъ, самаго *одра* умершихъ, т. е. тѣхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ произошло и на которыхъ держится упорство испорченныхъ и увлеченныхъ дѣтей. Нерѣдко случалось, что подобное упорство тотчасъ прекращалось, какъ только уяснялись подобныя обстоятельства и выставлялись въ надлежащемъ видѣ. Пока вы не истощили всѣхъ средствъ къ исправленію потеряннаго сына, пока не высказали ему во всей силѣ этихъ словъ: *юноше, тебѣ глаголю, востани*, до тѣхъ поръ не говорите, что онъ неисправимъ, что онъ погибъ на вѣки. Въ случаѣ же недѣйствительности однихъ естественныхъ средствъ къ исправленію дѣтей, христіанскіе родители могутъ прибѣгать къ высшей, божественной помощи, которая не замедлитъ явиться, если только обрящетъ въ этихъ дѣтяхъ что-либо достойное. Припомнимъ мать блаженнаго *Августина*. Она горько скорбѣла съобъ участи своего сына и не отчаялась въ его обращеніи даже и тогда, когда

онъ, бросивъ ее на берегу *Африки*, отправился въ *Италію* для новыхъ развлеченій. Въ утѣшеніе благочестивой матери напередъ говорили: «не можетъ погибнуть сынъ, о которомъ пролито столько слезъ» (Испов. Август. книг. III, гл. 12). Черезъ нѣсколько лѣтъ дѣйствительно послѣдовало обращеніе *Августина*: «погибавшій прежде, я теперь обрѣлся,—писалъ о себѣ блаженный *Августинъ*; вѣрующая мать по своимъ молитвамъ снова родила меня въ своемъ сердцѣ, чтобы я жилъ для вѣчнаго блаженства» (тамъ же кн. 17, гл. 3).

А. I.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Ближайшая цѣль обученія безъ сомнѣнія заключается въ обогащеніи учащихся знаніями. Но слѣдуетъ ли преподаваніе ограничивать одною этою цѣлью? Знанія сами по себѣ конечно составляютъ капиталъ, но капиталъ безплодный, даже отяготительный, если съ нимъ не соединяется умѣнье пользоваться имъ. Это послѣднее искусство есть необходимое условіе для того, чтобы знанія были плодотворны; а это искусство есть не что иное, какъ развитый умъ. Далѣе мы должны согласиться, что въ жизни не такъ важны обширныя познанія, какъ хорошо развитый умъ. Въ жизни приходится прилагать къ дѣлу далеко не всю ту массу свѣдѣній, какую мы выносимъ изъ школы; тогда какъ нѣтъ такого шага въ жизни, гдѣ не чувствовалось бы все значеніе развитога ума. Но такъ какъ школа готовитъ людей къ жизни, то педагоги не задумались признать развитіе умственныхъ силъ дитяти важнѣйшею цѣлью обученія. Что же касается приобрѣтенія знаній, то этой цѣли обученія пришлось занять уже второстепенное, подчиненное значеніе. Эта цѣль признается на столько, на сколько она ведетъ къ первой.

Люди, не имѣвшіе случая серьезно поразмыслить о пред-

метѣ нашей рѣчи, легко могутъ прійти въ нѣкоторое недоумѣніе по поводу высказанной мысли, и обвинить насъ въ томъ, что мы хотимъ развивать ребенка въ ущербъ его образованію. Охотно беремся разъяснить это возможное недоумѣніе.

Поставляя важнѣйшею цѣлію обученія умственное развитіе и удаляя на второй планъ пріобрѣтеніе знаній, мы не только не наносимъ никакого ущерба образованію ребенка, но поступаемъ именно въ интересахъ образованія. Правда, руководясь нашимъ взглядомъ на обученіе, мы нѣсколько сѣузимъ кругъ тѣхъ понятій, въ который будемъ вводить своего ученика. Но ограничивая предѣлы этого круга, мы исключаемъ такіе познавательные матеріалы, которые, отягощая голову ученика, въ тоже время не отзовутся никакимъ благотворнымъ слѣдомъ на его умственныхъ способностяхъ, не коснутся его мысли, не возбудятъ его сочувствія, не затронутъ его энергіи. Не въ правѣ ли мы ожидать, что подобное знаніе, не имѣя для себя никакой точки опоры въ головѣ ученика, не зацѣпившись, такъ сказать, ни за что живое, не долго останется въ томъ помѣщеніи, въ какое мы его препроводили, что скоро оно улетучится, пройдя чрезъ голову ребенка, какъ чрезъ каналъ? А между тѣмъ эти знанія не будутъ ли лишнимъ бременемъ въ головѣ ученика? Не помѣщаютъ ли они основательному усвоенію другихъ свѣдѣній, несомнѣнно образовательныхъ? Конечно. Итакъ, мы не хотимъ ребенка сдѣлать невѣждой; мы хотимъ только, чтобы знаніе такъ быстро и съ такою роковою необходимостію не испарялось изъ головы ученика, какъ это бываетъ при системѣ многоученія. Мы хотимъ, чтобы обученіе было основательно и плодотворно.

Объяснимъ свою мысль примѣромъ. Предположимъ, что мы взялись бы обучать исторіи. Еслибъ мы задались той

единственной задачей, чтобы сообщить своимъ ученикамъ какъ можно болѣе историческихъ познаній; мы подняли бы на ноги всѣхъ безчисленныхъ Карловъ, Фридриховъ, Людовиковъ; мы испещрили бы свои рассказы громадной массой хронологическихъ данныхъ и т. д. Но какой бы вышелъ результатъ изъ нашихъ трудовъ? Мизерные, ничего не говорящіе уму и чувству, Карлы и Фридрихи помѣшали бы намъ удѣлить достодолжное вниманіе великимъ Карламъ и Фридрихамъ, дѣянія которыхъ заключаютъ въ себѣ такъ много назидательнаго. Множество мелочей помѣшали бы намъ сообщить обстоятельныя свѣдѣнія о главнѣйшихъ всемірно-историческихъ событіяхъ. Наши ученики терялись бы въ массѣ свѣдѣній, и въ свою очередь свѣдѣнія терялись бы въ нихъ. И такъ не было ли бы выгоднѣе въ интересахъ образованія исключить изъ нашей программы всѣ мелочи, весь этотъ, если можно такъ выразиться, балластъ, чтобы дать возможность важнѣйшимъ и несомнѣнно образовательнымъ свѣдѣніямъ войти въ голову ученика во всей ихъ цѣлостности и законченности. Конечно при этой методѣ преподаванія нашимъ ученикамъ останутся неизвѣстными многія имена и многія слова; но зато тѣ имена и тѣ слова, которыя они узнаютъ, не будутъ механическимъ наростомъ въ его головѣ, а будутъ соединяться съ извѣстными живыми образами, живыми и потому болѣе или менѣе близкими душѣ. И эти то знанія не исчезнутъ; потому что они органически связаны съ душой ученика, они нашли здѣсь почву.

Если цѣль обученія главнымъ образомъ заключается въ развитіи умственныхъ силъ дитяти; то спрашивается, при помощи какихъ средствъ обученіе можетъ достигать этой цѣли?

Хотя эти средства очень ясно указываются самою духовною природою человѣка, законами его развитія; но нельзя сказать, чтобы они понимались такъ легко, какъ напр., зако-

ны тѣлеснаго развитія. Едва ли бывалъ когда нибудь въ жизни такой случай, чтобы ребенка, едва научившагося передви- гать ноги и съ трудомъ дѣлающаго нѣсколько шаговъ по комнатѣ, стали учить плясать. Что касается умственнаго раз- витія, то въ этой области подобные примѣры весьма и весьма не рѣдки. Такъ мы знаемъ одного автора, который свои уроки по закону Божію, назначаемые для начальнаго обуче- нія, начинается—кто бы могъ это подумать?—метафизически- ми доказательствами бытія Божія! Ребенка, живущаго впечат- лѣніями виѣшнихъ чувствъ и образами воображенія, едва лишь сознавшаго себя, вводитъ въ область метафизики—не все ли это равно, что едва владѣющее ногами дитя заставить хо- дить по канату? Вѣдь вѣрно самъ авторъ не заставитъ ѣздить верхомъ своего сына, который только что выучился сидѣть; а не заставитъ потому, что печальные результаты подобнаго опыта были бы слишкомъ очевидны. Не много нужно имѣть проницательности, чтобы угадать, что ребенокъ не удержит- ся на лошади, упадетъ и ушибется. Между тѣмъ пользованіе такимъ конемъ, какъ метафизика, по видимому не предста- вляетъ такихъ серьезныхъ опасностей. Конечно паденіе бу- детъ и здѣсь, но паденіе будетъ духовное, произойдетъ безъ шуму и крику, безъ всякихъ, потрясающихъ нервы, явленій, слѣдовательно легко можетъ остаться и не замѣченнымъ. Да развѣ тупость ребенка, разсѣянность, лѣность не доставятъ достаточной оговорки для извиненія неудачи опыта?

Итакъ многое изъ того, что легко понимается въ обла- сти физическаго воспитанія, совершенно забывается въ обла- сти умственнаго развитія. Между тѣмъ законы развитія одни и тѣже для физической и для умственной природы человѣка. Какъ тѣлесное развитіе пріобрѣтается помощію упражненій силъ тѣлесныхъ, такъ для развитія умственнаго необходимо упражненіе умственныхъ силъ. Какъ въ тѣлесномъ воспита-

ни эти упражненія должны быть сообразны силамъ воспитываемаго; такъ въ умственномъ развитіи упражненія должны соответствовать умственнымъ силамъ ребенка. Какъ тамъ, такъ и здѣсь въ упражненіяхъ должна быть строгая постепенность; упражненія легкія должны служить переходомъ и подготовленіемъ къ упражненіямъ болѣе труднымъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь для успѣха дѣла необходимо, чтобы ребенокъ полюбилъ это дѣло, чтобы находилъ въ немъ интересъ; иначе ребенокъ получитъ отвращеніе къ нему и тогда все потеряно.

Первое требованіе разумнаго обученія заключается въ томъ, чтобы обученіе на первыхъ порахъ какъ можно тѣснѣе связывалось съ жизнію, чтобы ребенокъ не вдругъ вводился въ область науки, но съ самою строгою постепенностію. Нужно начинать съ научнаго объясненія тѣхъ предметовъ, которые окружаютъ ребенка, которые онъ знаетъ своимъ опытомъ. Эти предметы должны послужить для него на первый разъ тѣмъ звѣномъ, которое соединитъ его съ наукою. Начинать съ предметовъ неизвѣстныхъ ребенку значитъ рисковать не внушить къ нимъ интереса, и на первыхъ же порахъ превратить дѣло обученія въ механическую работу памяти. На этомъ основаніи педагогика давно уже признала, что напр. при обученіи географіи всего лучше начинать съ описанія того мѣста, гдѣ находится школа. Дѣйствительно, благодаря этому приему, очень не трудно привязать интересъ ребенка къ предметамъ географическимъ. Вся задача заключается въ томъ, чтобы искусно привязывать то неизвѣстное, что мы желаемъ сообщить, къ тому извѣстному, что уже есть въ головѣ ребенка. Описавши напр. рѣку, при которой стоитъ нашъ городъ, мы какъ кажется, удовлетворимъ естественному любопытству дитяти, если вслѣдъ за тѣмъ прибавимъ, что есть рѣки больше нашей рѣки, съ другимъ дномъ, съ другими

берегами, съ другимъ цвѣтомъ и вкусомъ воды и т. д. Все это ребенокъ выслушаетъ съ интересомъ; потому что все это онъ сопоставитъ въ умѣ своемъ съ тѣмъ, что ему уже извѣстно. Попробуйте же начать, какъ это водилось въ старину, съ общихъ опредѣленій и обобщеній.—Много нужно искусства, чтобы приковать къ вашему изложенію вниманіе ребенка; здѣсь все будетъ для него ново и непонятно, онъ не будетъ имѣть никакой точки опоры, чтобы не растеряться.

Другое требованіе педагогики въ отношеніи къ обученію есть то, чтобы обученіе восходило отъ легчайшаго къ труднѣйшему, отъ нагляднаго къ отвлеченному, отъ частнаго, отдѣльнаго явленія къ общимъ выводамъ и соображеніямъ. Это требованіе давно уже признано въ отношеніи къ цѣлой системѣ образованія. Программы нашихъ учебныхъ заведеній составлены такъ, что для высшихъ классовъ назначены науки болѣе легкія, для высшихъ—болѣе трудныя. Къ сожалѣнію нельзя сказать, чтобы это требованіе прилагалось къ преподаванію каждой науки отдѣльно взятой. Учебники наши по большей части слѣдуютъ такому порядку въ развитіи понятій науки, который представляется наиболѣе удовлетворительнымъ съ точки зрѣнія строгой науки. Между тѣмъ, если необходимо съ ребенкомъ говорить его языкомъ, то необходимо также и въ планѣ преподаванія соображаться съ натурой ребенка. Такъ напр. съ точки зрѣнія строгой науки можетъ быть и резоннѣе начинать ариметику дѣйствіями надъ отвлеченными числами; но въ педагогическомъ отношеніи представляется гораздо болѣе полезнымъ начинать съ именованныхъ чиселъ и за тѣмъ уже переходить къ отвлеченнымъ. Общее правило, высказанное сразу, не понятно для ребенка; но тоже правило, являясь, какъ выводъ изъ многихъ частныхъ случаевъ и примѣровъ, становится вразумительнѣе.

И такъ постепенное восхожденіе отъ извѣстнаго къ не-

извѣстному и отъ частныхъ явленій къ общимъ законамъ есть то условіе, при которомъ обученіе становится развивающимъ дѣйствіемъ. При этомъ условіи поддерживается занимательность преподаванія, обученіе основывается не на механической работѣ памяти, а на разумной и сознательной дѣятельности всѣхъ познавательныхъ силъ человѣка. При этомъ только условіи ученіе превращается изъ страдательной работы въ дѣятельную и есть дѣйствительная, а не воображаемая, гимнастика умственныхъ силъ ученика.

Какимъ образомъ должно быть ведено начальное преподаваніе закона Божія, чтобы оно удовлетворяло требованіямъ педагогической науки?

Такъ какъ неизвѣстное должно быть присоединяемо къ извѣстному и легкое предшествовать трудному; то отсюда вытекаетъ само собою то общее правило относительно обученія закону Божію, что обученіе должно начаться съ практической стороны религіи, какъ уже въ нѣкоторой степени извѣстной ребенку и наиболее удобопонятной, продолжаться исторіей, какъ терминомъ, связующимъ теорію и практику христіанства, и заканчиваться теоретическою частію религіи.

Въ первомъ періодѣ преподаваніе закона Божія вполне сохраняетъ характеръ наглядности, столь свойственный дѣтскому возрасту и столь плодотворный въ отношеніи къ своимъ результатамъ. Ученику предлагается объясненіе и описаніе тѣхъ обрядовъ и предметовъ, которые онъ такъ часто видитъ въ богослуженіи, и относительно которыхъ сама природа ребенка заставляетъ его спрашивать: что это такое? почему это такъ дѣлается, а не иначе? Преподаваніе не выходитъ изъ круга жизни, но въ то же время незамѣтно вводитъ учащагося въ кругъ богословской науки. Учащемуся предлагаются рассказы и описанія, а не отвлеченныя разсужденія и соображенія. Разсудокъ не остается здѣсь безъ дѣятельности; но ему

предоставляется только пассивная дѣятельность—онъ получаетъ назиданіе, но не въ формѣ сухихъ сентенцій, а въ формѣ картинъ и повѣствованій. Не въ томъ здѣсь дѣло, чтобы совершенно устранить ученика отъ всего теоретическаго, а чтобы это теоретическое познавалось и усвоялось наглядно.

Во второмъ періодѣ систематизируются тѣ отрывочныя историческія данныя, которыя ученикъ получилъ изъ нагляднаго обученія. Такой шагъ какъ нельзя болѣе послѣдователенъ и вполне соотвѣтствуетъ требованіямъ природы; потому что какъ скоро нашъ разумъ овладѣлъ извѣстнаго рода познавательными матеріалами, является настоятельное требованіе привести ихъ въ извѣстное отношеніе, въ извѣстный порядокъ. Систематическое преподаваніе священной исторіи имѣетъ цѣлю съ одной стороны удовлетворить этому требованію, съ другой подготовить учениковъ къ изученію теоретической части закона Божія. Нѣтъ сомнѣнія, что переходъ отъ св. исторіи къ катихизису въ высшей степени труденъ для ученика. Итакъ нужно сдѣлать все, чтобъ его облегчить. При разумномъ преподаваніи исторіи эта цѣль можетъ быть вполне достигнута, священная исторія есть катихизисъ въ лицахъ и картинахъ. Излагая исторію, преподаватель можетъ коснуться всѣхъ важнѣйшихъ догматовъ и правилъ нравственной жизни. И ученикъ не встрѣтитъ особеннаго затрудненія къ воспріятію ихъ, такъ какъ эти теоретическія истины будутъ связаны для него съ извѣстными образами живой и понятной для него дѣйствительности.

За тѣмъ остается важнѣйшая и труднѣйшая часть закона Божія, часть теоретическая т. е. катихизисъ. Преподаваніе обыкновенно встрѣчаетъ здѣсь величайшія затрудненія. Но это должно имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ учениковъ не подготовляли исподоволь къ изученію теоріи религіи. Дѣйствительно нельзя рассчитывать на успѣхъ преподаванія, если

мы вдругъ бросимъ языкъ образовъ и картинъ, какимъ мы говорили съ ученикомъ, преподавая исторію, и прямо введемъ ученика въ область отвлеченнаго мышленія. Но если ученикъ уже привыкъ съ извѣстными фактами св. исторіи соединять тѣ или другія истины религіи, и если преподаватель не будетъ отрывать его отъ этой почвы; то затрудненіе исчезаетъ. Неизвѣстныя ученику понятія несравненно легче примутся въ его головѣ, когда они окажутся только выводомъ изъ того, что ему уже извѣстно. Относительно порядка уроковъ должно замѣтить одно, что вообще нужно начинать съ наиболѣе легкаго и восходить къ труднѣйшему съ строгою постепенностію. Во многихъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія напр. преподаваніе катихизиса начинается съ третьей части т. е. съ ученія о любви и идетъ въ порядкѣ, противоположномъ тому, какой обыкновенно принять въ катихизисѣ. Съ педагогической точки зрѣнія такой мѣры нельзя не одобрить; потому что нравственное ученіе вѣры дѣйствительно легче воспринимается дѣтьми, чѣмъ догматика.

Изложенная программа вполне сообразна съ природою нашего ума; потому что мы тогда только приобрѣтаемъ основательныя познанія, когда, переходя отъ нагляднаго и частнаго, посредствомъ отвлеченія и соединенія, возвышаемся до познанія общихъ законовъ и правилъ.

Владим. Фармаковскій.

ИЗЪ СЕЛА П... УРЖУМСКАГО УѢЗДА.

Наконецъ, послѣ долгихъ и настойчивыхъ стараній, открылось, съ благословенія Божія, и у насъ перковно-приходское попечительство. 25 февраля, въ воскресенье, собрались, за исключеніемъ двоихъ, всѣ члены—попечители изъ крестьянъ, въ числѣ 37-ми человекъ, въ приходскую церковь. Отъ

мѣстнаго Волостнаго Правленія прибылъ помощникъ Волостнаго Старшины. Прежде всего совершено было молебствіе о ниспосланіи Божіей помощи попечительству и возглашено, между прочими, многолѣтіе и «попечителямъ и благотворителямъ св. храма сего». Потомъ сдѣлано краткое увѣщаніе членамъ—попечителямъ радѣть о храмѣ Божіемъ, по кр. мѣрѣ, столько же, сколько каждый радѣетъ о своемъ домѣ, и предложенъ вопросъ: кого избрать предсѣдателемъ попечительства? Вопросъ этотъ, на общемъ мірскомъ сходѣ прихожанъ для выбора членовъ—попечителей, не былъ рѣшенъ и оставленъ до перваго общаго собранія попечительства. Послѣ немалыхъ разсужденій, предсѣдателемъ избранъ былъ старшій священникъ Г., и ему вскорѣ и единогласно приданы помощниками два другіе священника и діаконъ изъ кончившихъ курсъ въ семинаріи. Признана необходимость имѣть предсѣдателю помощниковъ или непремѣнныхъ членовъ попечительства и изъ попечителей крестьянъ: но кого именно изъ нихъ избрать въ эту должность—оставлено до слѣдующаго общаго собранія. За тѣмъ постановлено: 1) за неявку, по неуважительной причинѣ, члена—попечителя въ общее собраніе попечительства брать штрафъ по 25 к., въ пользу церкви; 2) за дѣйствительнымъ недосугомъ, членъ—попечитель можетъ замѣниться въ собраніи родственникомъ или другимъ односеленцомъ, но пользующимся довѣріемъ въ селеніи, 3) въ нетрезвомъ видѣ явившійся членъ—попечитель или довѣренный отъ него, на первый разъ, ставится на поклоны; (Эти три постановленія вызваны прежними неудачными опытами составить общее собраніе попечительства.) 4) каждый членъ—попечитель долженъ стараться собрать съ своего участка полсажени дровъ для церкви и представить ихъ еще зимнимъ путемъ; 5) каждый членъ—попечитель долженъ всемѣрно стараться въ своемъ участкѣ о сборѣ пожертвованій на страж-

душихъ отъ голода въ пяти губерніяхъ, и собранное немедленно представлять въ попечительство для отсылки въ Вятскій при Д. Семинаріи комитетъ; и 6) слѣдующему общему собранію попечительства быть чрезъ двѣ недѣли, въ воскресенье же.

Такъ открылось наше церковно-приходское попечительство!

Собраніе его 23 февраля было очень кстати. Наканунѣ только что полученъ былъ здѣсь № 4-й Вят. Еп. Вѣд. съ воззваніемъ Преосвященнѣйшаго Архипастыря Аполлоса къ паствѣ своей о помощи страждущимъ отъ голода. На другой день, тотчасъ по совершеніи утрени, служащій священникъ просилъ народъ не расходиться изъ церкви и далъ діакону читать Архипастырское воззваніе. Оно было прочитано звучно и внятно. За тѣмъ священникъ, въ простыхъ словахъ, изобразилъ народное бѣдствіе съ его печальными и ужасными слѣдствіями, рассказалъ, что сдѣлалъ и дѣлаетъ Благочестивѣйшій Царь—Батюшка и Его семейство для облегченія сего бѣдствія, и предложилъ присутствующимъ какъ самимъ дѣлать пожертвованія, такъ объявить о необходимости пожертвованій и своимъ односеледцамъ.

— Такъ, б—ка, Царь желаетъ, чтобъ жертвовали? тутъ же спросилъ одинъ изъ крестьянъ, членъ попечительства.

— Царь!

— Чѣмъ жертвовать?

— У кого есть деньги—деньгами; а у кого нѣтъ—хлѣбомъ, льномъ, кто чѣмъ можетъ. Только помните: помощь нужна скорая, и помочь нужно всей землей, каждымъ селеньемъ и каждымъ—бы домомъ.

Послѣ обѣда, въ собраніи попечительства еще говорено было о народномъ бѣдствіи отъ голода; и всѣ члены—попечители согласились ѣздить, вмѣстѣ съ старшинами, по своимъ селеньямъ и собирать пожертвованія.

Вечеромъ сдѣлана церковная тетрадь для записи сбора пожертвованій, и дана сельскому члену попечительства. Часа черезъ два онъ принесъ съ нею 2 р. 62 к., да на другой день 7 р. 40 к. По этой тетради 29 февраля отослано уже въ Вятскій при семинаріи комитетъ 44 р.; 7 марта передано Пол. о. протоіерею, для отсылки тудаже, 48 р.; 8 марта отъ одного изъ членовъ попечителей дер. Вершиняты принято 10 р. 78 коп.

Дрова также привозятся попечителями къ церкви. Хотя церковь здѣшняя, по договору или по обычаю, и должна бы отапливаться дровами прихожанъ; но она, для отопленія своего, въ нынѣшнюю напр. зиму покупала дрова уже съ ноября мѣсяца и платила по 2 р. 75 к. и по 3 р. за сажень тройника, а такихъ дровъ въ зимній мѣсяць ей нужно четыре сажени. Теперь же попечителями представлено уже «къ храму Божью» болѣе десяти сажень. Правда, у церкви, кромѣ отопленія, есть другая нужда, и великая: перестройка, и лѣтомъ надо будетъ обжигать кирпичъ. Все же церковно-приходское попечительство открыто, наконецъ, и дѣйствуетъ. Слава, и слава Тебѣ, Господи!!!

Марта 10 дня было второе общее собраніе попечительства.

По реэстру перекликаны всѣ члены—попечители изъ крестьянъ и оказалось, что двое не явились и не прислали за себя и довѣренныхъ въ собраніе: приговорены къ установленной уплатѣ по 25 коп. Долго никого не было и отъ Волостнаго Правленія. Члены попечительства изъ крестьянъ сильно и справедливо негодовали на неисправность въ этомъ отношеніи Правленія, и всѣ почти приговаривали и его къ какому нибудь штрафу. Но имъ растолковано, что Волостныя Правленія не подсудны церковно-приходскимъ попечительствамъ; да и какъ стало бы хотя наше же попечительство взыскивать съ своего Волостнаго Правленія штрафъ?

Не лучше ли, П.п. такъ сдѣлать: сначала послать въ Правленіе бумагу и выставить ему на видъ неисправность его въ отношеніи къ попечительству, приложить и самыя правила о попечительствахъ, которыя правленцы у себя, можетъ быть, затеряли или забыли? А потомъ, если Правленіе повторить съ нами такую же неисправность, то уже тогда жаловаться на него мировому посреднику?

Члены—попечители всѣ согласились.

Но не дошло дѣло и до посылки бумаги: къ концу засѣданія явился въ собраніе одинъ изъ волостныхъ судей при правленіи, пріѣхавшій въ село *случайно*.

За тѣмъ повторены всѣ постановленія прежняго собранія и предложенъ вопросъ: кого и сколько избрать помощниковъ предсѣдателю или непремѣнныхъ членовъ попечительства изъ членовъ его крестьянъ? И постановлено: 1) въ особые непремѣнные члены не избирать никого, а являться всѣмъ на каждое собраніе, только собраніямъ симъ быть въ дни воскресные или праздничные, а не въ рабочіе; повѣстки же о времени собраній давать заблаговременно чрезъ Волостное Правленіе; потомъ постановлено: 2) о дровахъ и лѣсѣ для церкви... 3) каждому попечителю, въ своемъ селеніи или участкѣ, предъ пасхой составить сходку изъ стариковъ и объявить, чтобъ въ предстоящіе дни праздника, особенно же во время славленія или хода съ св. крестомъ и иконами, недопускали пьянства и безобразій ни въ домахъ своихъ, ни на улицахъ; и 4) каждого члена—попечителя изъ крестьянъ снабдить изъ попечительства тетрадью для сбора, въ своемъ участкѣ, добровольныхъ пожертвованій: а) на страждущихъ отъ неурожаевъ и голода, и б) на возженіе большихъ свѣчъ предъ иконами въ церкви, во время пасхальнаго богослуженія.

Въ заключеніе члены—попечители изъ крестьянъ всѣ

обѣщались, по возможности, стараться выполнить постановленія собранія, приняли благословеніе отъ священниковъ и разошлись.

Ими представлено къ церкви уже около 15 саж. дровъ и собрано пожертвованій на страждущихъ отъ голода свыше 130 р. с.

Очень недавно существуетъ наше попечительство; но опытъ уже заставляетъ сожалѣть о выборѣ нѣкоторыхъ крестьянъ въ члены—попечители. Опытъ этотъ до очевидности доказываетъ, что успѣхъ дѣйствій членовъ—попечителей зависитъ не столько отъ стараній ихъ и даже отъ толковости, сколько—и главнѣйшимъ образомъ—отъ нравственнаго характера и достоинства ихъ и зависящей отъ того степени довѣрія къ нимъ односельцевъ.

Насъ, можетъ быть, спросятъ: почему мы съ своимъ попечительствомъ много хлопочемъ о дровахъ и свѣчахъ церковныхъ, а о другихъ болѣе важныхъ предметахъ, напр. о сельской школѣ вовсе и не заикаемся? Потому, отвѣчаемъ, что попечительство наше еще слишкомъ молодо. Погодите, дайте ему вырости и окрѣпнуть въ понятіяхъ прихожанъ, и тогда оно приступитъ къ школѣ и другимъ предметамъ. Окрѣпнетъ же оно, безъ всякаго сомнѣнія, не иначе, какъ стараясь сначала преимущественно о храмѣ, о томъ, къ чему лежатъ самыя глубокія симпатіи въ народѣ, а они лежатъ, какъ видимъ и замѣчаемъ,—къ Богу, къ св. храму Его и страждущему человѣчеству.

Спросятъ еще и, вѣроятно, многіе наши собратья священники: какъ мы достигли того, что у насъ открылось уже и дѣйствуетъ попечительство? Отвѣчаемъ: долгимъ и настойчивымъ стараніемъ и постоянной борьбой съ равнодушіемъ къ пользѣ Церкви нѣкоторыхъ членовъ общества, а главное—и говоримъ это съ полнымъ убѣжденіемъ,—при помощи Божіей свыше.

Св. Гр.

Уржумскаго уѣзда
село П....кое.
16 марта 1868 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ Правленія Псковской духовной семинаріи.

Въ Псковской духовной семинаріи, по случаю полнаго ея преобразованія, съ 1-го сентября сего 1868 г. имѣють открыться слѣдующія вакантныя кафедры: а) Догматическаго Богословія, наставникъ коего въ Псковской семинаріи имѣеть преподавать и ученіе о расколѣ; б) Гомилетики и Литургики; в) Всеобщей Церковной Исторіи, Исторіи Русской Церкви и Практическаго руководства для пастырей; г) Психологіи, Обзора философскихъ ученій и Педагогики и д) Греческаго языка въ низшихъ классахъ; а также должность помощника инспектора. На эти вакантныя наставническія мѣста Правленіе Псковской семинаріи не имѣеть собственныхъ кандидатовъ и предоставляетъ испытаніе и назначеніе ихъ конференціи С.-Петербургской Духовной Академіи.

Отъ Правленія Харьковской духовной семинаріи.

При Харьковской духовной семинаріи, по случаю полнаго ея преобразованія въ слѣдующемъ учебномъ году, съ 1-го сентября 1868 г. имѣють быть три учительскія вакансіи: одна по Основному и Нравственному Богословію, одна по Латинскому языку и одна по Греческому языку; кромѣ наставническихъ вакансій при семинаріи откроются съ того же времени двѣ вакансіи помощника инспектора. Семинарское правленіе не имѣеть въ виду кандидатовъ для замѣщенія означенныхъ вакансій.

СОДЕРЖАНІЕ: Воскрешеніе Наинскаго юноши. Педагогическія замѣтки. Изъ села П... Уржумскаго уѣзда. Объявленія.

«Вятскія Епархіальныя Вѣдомости» выходятъ два раза въ мѣсяць. Цѣна годовому изданію, въ Редакціи 4 р., а съ доставкою на домъ, въ г. Вяткѣ, или съ пересылкою въ другія мѣста,—5 рубл. Подписка принимается въ Редакціи сихъ Вѣдомостей, которая помѣщается въ зданіяхъ Вятской духовной семинаріи.

Редакторъ, Ректоръ семинаріи, Архимандритъ Г о с и ф ъ.

Дозволено цензурою. 14 мая 1868 года.
Вятка. Въ Губернской типографіи.